

ДЖЕК ФИННЕЙ

МЕЖ ДВУХ ВРЕМЕН

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe)-44

Ф60

Серия «Эксклюзивная классика»

Jack Finney
TIME AND AGAIN

Перевод с английского *О. Битова*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения литературных агентств

Don Congdon и Andrew Nurnberg.

Финней, Джек.

Ф60 Меж двух времен : [роман] / Д. Финней ; [пер. с англ. О. Битова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107847-8

Джек Финней (1911–1995) — знаменитый американский писатель-фантаст. Большая часть его рассказов и повестей, как и роман «Меж двух времен», написанный в 1970 году, посвящены времени и путешествиям в другие эпохи.

Главное произведение писателя — «Меж двух миров» — выдержало огромное количество переизданий практически на всех языках мира. Автору удалось описать Нью-Йорк столетней давности с большой достоверностью и вниманием к деталям, точнейшей «привязкой к местности». Финней успешно работал и в других жанрах: детективы, триллеры. «Вторжение похитителей тел» — роман о зловещих инопланетянах — тоже стал легендарным и экранизировался несколько раз. А один из рассказов Финнея даже послужил основой нью-йоркской городской легенды. История о сбитом на Таймс-сквер человеке, в карманах которого нашли письмо из 1876 года, быстро распространилась и цитировалась в сотнях книг и статей как доказательство реальности перемещений во времени.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(7Coe)-44

© Jack Finney, 1970

© Перевод. О. Битов, наследники, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

1

Все шло как обычно: я сидел без пиджака и набрасывал на бумаге эскиз куска мыла, прикрепленного клейкой лентой к верхнему углу чертежной доски. Золотистая фольга обертки была тщательно отогнута, чтобы покупатель мог прочесть большую часть названия фирмы, выпускающей именно этот сорт мыла; я перепортил полдюжины оберток, прежде чем добился желаемого эффекта. Идея заключалась в том, чтобы показать продукт готовым к употреблению: возьмите его в руки — и, как говорилось в сопроводительном тексте, «ваша кожа станет нежна и на бархат похожа», а моя задача состояла в том, чтобы изобразить его, это мыло, на бумаге в разных ракурсах.

Работа была не менее скучной, чем ее описание, и я решил передохнуть и взглянуть, благо сидел у окна, со своего двенадцатого этажа на крохотные головы прохожих внизу, на тротуаре Пятьдесят четвертой улицы. Был солнечный, пронзительно ясный день в середине ноября, и так хотелось окунуться в него, попасть туда, на улицу, и чтобы впереди лежал целый день и не маячило никаких дел — никаких обязательных дел...

У монтажного стола стоял Винс Мэндел, наш шрифтовик, худой и смуглый, — наверно, как и я, он чувствовал себя здесь сегодня взаперти; в руках он держал распылитель, а на носу у него красовалась марлевая хирургическая маска. Он наносил слой краски телесного цвета на фотографию девицы в купальном костюме, вырезанную из журнала «Лайф». Результатом его трудов должна была явиться та же девица, но уже без купальника — совершенно голенькая, не считая ленты с надписью «Мисс Арифмометр» от плеча к поясу. Такого рода метаморфозы стали для Винса излюбленным занятием в рабочее время с тех самых пор, как он изобрел этот фокус; когда ретушь будет закончена, фотография, вероятно, займет место в ряду других подобных творений на доске объявлений нашего художественного отдела.

Фрэнк Дэпп, заведующий отделом, кругленький деятельный человек, пробежал рысцой к себе в кабинет, отгороженный в углу общего загона. По пути он выбил оглушительную дробь по дверце большого железного шкафа, где мы держали всякие подсобные материалы, и издал громоподобный рык. Это был привычный для него способ выпустить излишки энергии — подобно тому, как паровоз выпускает излишки пара. Ни Винс, ни я, ни Карл Джо-нас, работавший за соседней доской, даже не подняли головы.

Был самый обыкновенный день, обыкновенная пятница, и оставалось еще двадцать минут до обеда, пять часов до конца работы и начала уикенда, десять месяцев до отпуска и тридцать семь лет до пенсии. И тут зазвонил телефон.

— Какой-то мужчина спрашивает вас, Сай, — сообщила Вера, телефонистка с коммутатора. — Но заранее он с вами не договаривался...

— Ничего. Это мой родственник. Он должен мне кое в чем помочь.

— Вам уже никто не поможет, — сказала Вера и повесила трубку.

Я направился к двери, размышляя, кто бы это мог быть; художник рекламного агентства, как правило, не страдает от избытка посетителей. Главная приемная находилась этажом ниже, и я пошел самой длинной дорогой, через бухгалтерию и отдел печати, но ни одной новой девушки, достойной внимания, не обнаружил.

Фрэнк Дэпп называл главную приемную Микро-Бродвеем. Ее украшали настоящий восточный ковер, несколько стендов со старинным серебром из коллекции жены одного из совладельцев агентства и матрона с волосами цвета старинного серебра, в обязанности которой входило передавать Вере просьбы посетителей. Когда я вошел, мой посетитель стоял и рассматривал одну из наших реклам, развешанных в рамках по стенам. Я не люблю признаваться в этом, но при встрече с незнакомыми людьми я робею, хотя и научился кое-как маскировать свою робость. Вот и теперь, едва он обернулся на звук шагов, я ощутил знакомый легкий страх и мимолетное замешательство. Он был лысый и низкорослый, его макушка едва доходила до уровня моих глаз, а во мне самом-то росту едва сто восемьдесят. На вид я дал бы ему лет тридцать пять — так я решил, приближаясь к нему, и еще отметил, что у него мощная грудь и весит он явно больше меня —

а ведь не толст. Одет он был в оливково-зеленый габардиновый костюм, который совсем не шел к его розовым щекам и рыжим волосам. «Надеюсь, он не коммивояжер», — подумал я. Тут он улыбнулся — улыбка у него оказалась настоящая, она сразу понравилась мне, и волнение мое улеглось. «Ну нет, — сказал я себе, — этот ничем не торгует» — и не мог бы ошибиться сильнее, чем ошибся тогда.

— Мистер Морли?

Я кивнул, улыбнувшись ему в ответ.

— Мистер Саймон Морли? — повторил он вопрос, будто опасался, что у нас в агентстве несколько человек с фамилией Морли, и хотел убедиться, что я именно тот, кто ему нужен.

— Да.

Но он все еще не был удовлетворен.

— Вы, случайно, не помните свой воинский номер?

Взяв меня под локоть, он двинулся из приемной в сторону лифтов, подальше от секретарши. Я отбарабанил свой номер, даже не успев удивиться, почему это я отвечаю ему, незнакомому человеку, без всяких встречных вопросов.

— Все верно! — сказал он с одобрением, и я почувствовал себя польщенным. Мы уже вышли в коридор, поблизости никого не было.

— А вы что, из армии? Если да, то у меня сегодня штатское настроение...

Он улыбнулся, но, как я про себя отметил, оставил вопрос без ответа.

— Меня зовут Рубен Прайен, — заявил он и выждал, словно думал, что я узнаю его по имени, потом продолжал: — Конечно, следовало позвонить

и договориться с вами о встрече, но я очень спешу, вот и рискнул заскочить к вам...

— Это не страшно, я тут ничем, кроме работы, не занят. Чем могу быть полезен?

Он скорчил смешную физиономию: мол, объяснить сие не так-то просто.

— Мне придется занять у вас около часа времени. И не откладывая, если можно. — Он и сам был, видимо, слегка смущен. — Вы уж извините меня, но... поверьте мне пока на слово, и я буду вам очень признателен...

Тут-то я и попался — он меня заинтересовал.

— Ладно. Сейчас без десяти двенадцать. Вы не хотите перекусить? Могу уйти на обед чуть пораньше...

— Отлично, только я не хотел бы разговаривать в помещении. Давайте возьмем сэндвичи и пойдем в парк. Договорились? Сегодня не очень холодно.

Я кивнул.

— Схожу за пальто и вернусь к вам сюда. Вы меня просто заинтриговали. — Я постоял в нерешительности, присмотрелся внимательно к этому приятному, крепко сбитому лысому человеку, а затем высказался начистоту: — Да вы, наверно, и сами это знаете. Вы ведь не в первый раз проделываете такую штуку, не правда ли? Включая и показное замешательство...

Он усмехнулся и слегка прищелкнул пальцами.

— А я-то думал, что у меня получается! Что ж, придется еще порепетировать перед зеркалом. Идите же за своим пальто — мы теряем время...

Мы вышли на Пятую авеню и пошли на север, мимо немислимых зданий из стекла и стали, стекла

и блистающего металла, стекла и мрамора и зданий постарше, в которых больше камня, чем стекла. Умопомрачительная, прямо невероятная улица; я никак не могу к ней привыкнуть, да, должно быть, и никто не может. Есть ли в мире другая такая улица, где гряда облаков отразилась бы целиком в окнах одной стены одного-единственного дома да еще и место осталось бы? Сегодня на Пятой авеню было особенно хорошо, температура поднялась градусов до десяти, и воздух наполняла приятная прохлада поздней осени. К тому же наступил полдень, и из всех контор, мимо которых мы проходили, выбегали, пританцовывая, красивые девушки, и я подумал: как жаль, что с большинством из них я никогда не познакомлюсь и даже не перекинусь словом. Вот тут-то мой маленький лысый провожатый и заговорил:

— Я сейчас выскажу то, с чем пришел к вам, а потом вы можете задавать вопросы. Не исключено, что я даже отвечу на некоторые из них. Однако все, что я вправе сообщить вам по существу, затянется самое большее на два квартала. Я проделывал это уже тридцать с чем-то раз, но до сих пор не знаю, какие выбрать выражения, чтобы они звучали не как совершенный бред. Ну ладно, слушайте.

Дело касается некоего проекта. Пожалуй, следует сказать: правительственного проекта. Секретного, разумеется, — впрочем, в наше время несекретных дел у правительства просто не осталось. По моему убеждению и по убеждению горстки осведомленных лиц, этот проект важнее, чем все ядерные программы, космические исследования, спутники и ракеты, вместе взятые, важнее, хотя и значительно меньше

по масштабам. Скажу сразу, что не могу позволить себе даже намек на то, какой характер носит этот проект. А вы сами, уж поверьте мне, ни за что не догадаетесь. Зато могу и хочу сказать другое: ни одно предприятие, когда-либо затеянное людьми за всю сумасшедшую историю человечества, не идет ни в какое сравнение с этим проектом по смелости. Когда мне впервые случилось осознать его суть, я две ночи не спал, и я ничуть не сгущаю краски — не спал в буквальном смысле слова. Да и на третью ночь уснул только после снотворного, а ведь считаю себя человеком уравновешенным и спокойным. Вы слушаете меня?..

— Слушаю. Если я вас правильно понял, вы открыли наконец нечто еще более интересное, чем любовь.

— Может, со временем вы и сами убедитесь, что не преувеличили. Даже путешествие на Луну покажется пресным по сравнению с тем, что вам, возможно, предстоит испытать. Это величайшее из приключений. Я отдал бы все, что у меня есть, и все, что когда-нибудь будет, просто за то, чтобы побывать в вашей шкуре, отдал бы годы жизни за один только шанс как-то подменить вас. Вот, собственно, и все, дружище Морли. Я мог бы говорить еще и буду говорить еще, но, в сущности, все, что я должен был сказать, я уже сказал. Кроме одного: вас приглашают участвовать в этом проекте. Приглашают не из-за каких-то особых ваших добродетелей или достоинств, а просто в силу слепого счастья. Теперь вы вольны принять это предложение или отказаться. Дело ваше. Понимаю, что предлагаю kota в мешке, но знали бы вы, какого kota!.. Тут на Пять-

десять седьмой улице неплохой кулинарный магазин — какие сэндвичи вы любите?..

Мы купили сэндвичей и яблок и прошли еще два квартала до Сентрал-парка. Прайен ждал хоть какого-нибудь ответа, и с полквартала мы прошагали в полном молчании, потом я раздраженно пожал плечами — я и хотел бы быть вежливым, но не придумал никакого ответа.

— Что, по-вашему, я должен вам сказать?

— Что хотите.

— Ну ладно: почему я?

— Ну что ж, как выражаются политические деятели, я рад, что вы задали этот вопрос. Нам нужен не просто любой человек, а такой, который обладает определенными качествами. Довольно специфическими качествами, и список их достаточно велик. Кроме того, эти качества должны быть представлены, так сказать, в определенной пропорции. Сначала мы этого не знали. Думали: подойдет почти любой энтузиаст, если он умен и молод. Например, я. Но теперь мы знаем — или думаем, что знаем, — что наш кандидат должен отвечать определенным требованиям и физически, и психологически, и по темпераменту. У него должен быть особый взгляд на вещи. Он должен обладать способностью, оказывающейся, довольно редкой, видеть все вокруг таким, как оно есть, и одновременно таким, как оно могло бы быть. Если только вы понимаете, что я имею в виду. Может, и понимаете. Может статься, нам нужен именно такой взгляд на мир, какой присущ художнику. Это лишь некоторые из требований к кандидату — есть и другие, но о них я пока умолчу. Вся беда в том, что по той или иной причине нашим

требованиям не удовлетворяет почти никто на Земле. Единственным целесообразным способом выявления возможных кандидатур оказалось изучение армейских тестов для новобранцев — вы их, наверно, помните...

— Смутно.

— Уж и не знаю, сколько подобных тестов пришлось проанализировать, это вне моей компетенции. Вероятно, миллионы. На первой стадии применяются компьютеры — они отделяют всех, кто явно не подходит. А таких абсолютное большинство. После этого в дело включаются живые люди. Мы не хотим пропустить ни одной возможной кандидатуры, потому что выяснили, что их чертовски мало. Мы просмотрели бог знает сколько миллионов личных дел на военнослужащих обоих полов. Почему-то среди женщин кандидаты выявляются чаще, чем среди мужчин; хотелось бы, чтобы в армии было больше женщин. Но так или иначе, некто Саймон Л. Морли с названным вами многозначным воинским номером похож на вероятного кандидата. Как случилось, что вы дослужились только до ефрейтора?

— Отсутствие наклонностей к шагистике и прочим идиотским вещам.

— Кажется, это называется «что ни шаг, то с левой»? Из всех выявленных нами кандидатов — а их всего-то около сотни — примерно пятьдесят выслушали то же, что и вы до сих пор, и наотрез отказались. Пятьдесят других согласились, но более сорока из них провалились на последующих испытаниях. И вот после чертовой уймы работы у нас осталось пятеро мужчин и две женщины, которые, быть мо-

жет, подойдут. Большинство из них, если не все, вероятно, не смогут выполнить первое же настоящее задание — у нас нет ни одного, в ком мы можем быть действительно уверены. Мы хотели бы пополнить кандидатов двадцать пять, если сумеем. Хотели бы сотню, да не верим, что столько наберется во всем мире; во всяком случае, мы не ведаем, как их разыскать. И вот вы, возможно, один из немногих...

— Ну и ну!..

У Пятьдесят девятой улицы мы остановились по сигналу светофора, я увидел своего собеседника в профиль и сказал:

— Рубен Прайен. Ну да! Вы же играли в регби. Когда это было? Лет десять назад...

Он повернулся ко мне с улыбкой.

— Вспомнили!.. Только было это пятнадцать лет назад — я вовсе не так завидно молод, как вам, наверно, кажется.

— За кого же вы играли? Что-то я не припомню.

Зажегся зеленый свет, и мы сошли с тротуара на мостовую.

— Уэст-Пойнт*.

— Так я и знал! Значит, вы в армии?

— Ну да...

Я затряс головой.

— Тогда прошу прощения, но меня вы не заманите. Придется вам вызвать пятерку дюжих ребят из военной полиции и тащить меня волоком, и то я буду орать и лягаться всю дорогу. Перспектива

* Уэст-Пойнт — место в штате Нью-Йорк, где расположена Академия генерального штаба американской армии и некоторые другие военные учреждения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

бессонных ночей в армии меня не соблазняет, я свое отслужил.

Мы пересекли улицу, поднялись на тротуар, потом свернули на грунтовую аллею Централ-парка и пошли вдоль нее, высматривая свободную скамейку.

— Чем же плоха армия? — спросил Рюбен с напускной обидой.

— Вы сказали, вам понадобится час. Мне потребовалась бы неделя, чтобы только перечислить по пунктам...

— Ладно, не надо в армию. Идите во флот, мы вам присвоим любое звание от мичмана до капитан-лейтенанта. Или в министерство внутренних дел, — Рюбен снова был в хорошем настроении, — в министерство связи, если хотите. Выбирайте себе любое правительственное ведомство, кроме Госдепартамента и дипломатического корпуса. Любую должность, лишь бы она была не выборная и с окладом не выше двенадцати тысяч долларов в год. Потому что, Сай, — можно мне называть вас Сай?..

— Разумеется.

— А вы зовите меня Рюб, если хотите. Так вот, Сай, неважно, где вы будете числиться в штате. Когда я говорю, что проект секретный, я имею в виду именно то, что говорю. Наш бюджет рассыпан по бухгалтериям всевозможных департаментов и бюро, а сотрудники наши числятся где угодно, только не у нас. Официально нас просто не существует, а я — да, я все еще военный. Служба идет, пенсия приближается, и, кроме того, как ни странно, но армия мне нравится. Правда, мундир мой висит в шкафу, честь я никому сейчас не отдаю, а приказы по большей части полу-

чаю от историка, временно откомандированного из Колумбийского университета... На скамейках в тени прохладно, давайте сядем на солнышке.

Мы выбрали местечко метрах в десяти от аллеи подле большого черного валуна, присели на солнечной стороне, откинувшись на теплый камень, и развернули свои сэндвичи. К югу, западу и востоку вздымались громады зданий, нависали над границами парка, как банда, готовая напасть на него и залить всю зелень бетоном.

— Вы, наверно, еще в школу ходили, когда читали про Рюба Прайена, быстрогого полузащитника...

— Наверно. Мне сейчас двадцать восемь.

Я откусил кусок сэндвича.

— Вам будет двадцать восемь одиннадцатого марта, — сказал Рюб.

— Вы и это знаете? Ваши сыщики не даром хлеб едят...

— Это же у вас в армейском личном деле записано. Но нам известно кое-что, чего там нет. Например, мы знаем, что два года назад вы развелись с женой, и знаем почему.

— А вы не могли бы мне рассказать почему? Я лично все еще не знаю.

— Вы все равно не поймете. Нам также известно, что за последние пять месяцев вы встречались с девятью женщинами и только с четырьмя из них больше одного раза. Что за последние полтора месяца все отчетливее выделяется одна. Тем не менее мы полагаем, что для второго брака вы еще не созрели. Может, вы и подумываете об этом, но, наверно, все еще боитесь. У вас есть два приятеля, с которыми вы

время от времени обедаете вместе или ужинаете. Родители ваши умерли. У вас нет ни братьев, ни...

Кровь бросилась мне в лицо; я почувствовал это сам и постарался, чтобы мой голос звучал как можно ровнее.

— Рюб, — сказал я, — лично вы мне нравитесь. Но, мне думается, я могу спросить: кто дал вам или кому бы то ни было право совать свой нос в мои дела?

— Не сердитесь, Сай. Не стоит. Мы не так уж далеко залезли. Да и не делали ничего сверхъестественного и ничего противозаконного. Мы не то что иные правительственные учреждения, которые я мог бы назвать, — мы не считаем себя подотчетными только господу богу. Мы не подслушиваем телефонных разговоров, не устраиваем тайных обысков. Короче, закон и про нас писан. Но перед тем как нам расстаться, я хотел бы просить у вас разрешения обыскать вашу квартиру до того, как вы туда сегодня вернетесь.

Я плотно сжал губы и покачал головой. Рюб улыбнулся, наклонился ко мне и тронул меня за руку.

— А я просто дразню вас. Но надеюсь, вы еще передумаете. Ведь я предлагаю вам чертовски увлекательную вещь, самую замечательную из всего, что когда-либо пережито человеком.

— И не хотите сказать мне о ней ничегошеньки? Удивляюсь, как вы семерых-то нашли. Даже одного...

Рюб уставился на траву, размышляя, что бы мне еще сказать, потом опять взглянул на меня.

— Мы хотели бы знать больше, чем знаем, — сказал он раздельно. — Хотели бы подвергнуть вас некоторым испытаниям. В то же время нам, кажет-